

Вообще, даже при таких условиях, не каждый способен начертать «действенную» заклинательную надпись, иначе все изучавшие древнюю письменность владели бы этим искусством. Чтобы написать действенную заклинательную надпись, нужно прежде всего удовлетворить базовое условие — безоговорочно верить. Верить, что в этом мире есть боги и духи, верить в силу начертанных знаков, а затем уже в «дух», требующий одухотворения.

Этот дух — не душа, его можно понимать, как нечто вроде духовной силы, которую можно обрести через практику, позаимствовать у духов неба и земли или же у других.

Чэнь Шаньвань не изучал всего этого, но мог примерно догадываться.

Он сказал так мужчине лишь потому, что предположил, что для них, вероятно, сложность заключается именно в заклинательных надписях — ведь тот мужчина видел, что он живёт с Юй Суем, так что условия веры и духа соблюдены; и к тому же... честно говоря, Чэнь Шаньвань чувствовал, что нанесённые на их талисманы заклинательные надписи были не лучшего качества, иероглифы были слегка искажены.

В древних текстах встречались записи, что ритуальные заклинательные надписи были ниспосланы свыше, потому неясны и трудны для изображения; древние считали, что насколько точно скопирована надпись, настолько же проявится и её сила.

Потому в древних официальных учреждениях, то есть жрецы, содержащиеся императором, с детства тренировались в написании этих иероглифов, даже усерднее, чем обычных повседневных.

Хотя Чэнь Шаньвань и не практиковался с детства, по стечению обстоятельств у него был к этому исключительный талант; профессор говорил, что его заклинательные надписи будто отпечатаны с образца.

Что до его духа... Чэнь Шаньвань предполагал, что позаимствовал его у Юй Суя.

Ведь сейчас между ними установилась такая тесная связь, к тому же он вкушал «его» сердце.

Размышляя в таком ключе, Чэнь Шаньвань бросил взгляд на Юй Суя.

Тот стоял рядом с приподнятой бровью и улыбкой до ушей, с лёгкостью совмещая бой с

мужчиной при помощи шипов и поддразнивание его самого:

— А-Вань, теперь я ещё больше уверился в теории о прошлой жизни.

Чэнь Шаньвань только что действовал чересчур умело — будто именно этим и занимался с незапамятных времён, будто был самым их общим прародителем.

В Юй Суне не было и капли мачизма*, «он» не считал, что, занимая ведущую позицию, его не должны защищать, и хлопая ресницами, изображал слабость и обиду:

— А-Вань, среди тех, кто заточил меня здесь, был и он. В те времена мне было так больно, ты даже не представляешь, на сколько частей разлетелось моё тело.

* Мачизм — это социальное и культурное явление, выражающееся в превознесении традиционно «мужских» качеств (таких как сила, доминирование, эмоциональная сдержанность, агрессивность) и пренебрежении всем, что считается «женственным». Он также предполагает убеждённость в превосходстве мужчин над женщинами и часто сопровождается патриархальными установками, гендерными стереотипами и дискриминацией.

Чэнь Шаньвань: «...»

Он знал, что Юй Суй притворяется — хотя сам Чэнь Шаньвань и не был уверен, что именно следует делать. Действуя наугад, по внутреннему побуждению, он поднял руку и начертал в воздухе заклинательную надпись, вымолвив на древнем языке слово, означавшее «движение ветра».

В следующее мгновение персиковый деревянный меч в руках мужчины рассыпался в прах, а его самого сковал незримый ветер, повалив на землю и лишив возможности двигаться.

Чэнь Шаньвань сделал шаг вперёд, край его одежды покинул пределы крытой галереи.

Юй Суй в ту же секунду ухватил его за руку.

«Он» не мог покинуть этот дом, ведь это специально выстроенный для «него» гроб, но Чэнь Шаньвань — мог.

Даже вкусив «его» сердце, он оставался свободным.

Пока Чэнь Шаньвань того желал, ничто не могло его удержать.

— ...Я спрошу его, нет ли способа приподнять крышку этого заколоченного гроба.

Чэнь Шаньвань и не подозревал, что даже в выборе сравнений они с Юй Суем были единомышленны:

— Отсюда слишком далеко до моего университета.

Кадык Юй Суя дрогнул, «его» глаза чуть прищурились, и «он» нарочно вновь задал вопрос, на который уже знал ответ:

— А-Вань, то, что ты сказал... это то, что я думаю?

Чэнь Шаньвань промычал «мгм», подтвердив его догадку.

И тогда Юй Суй медленно разжал пальцы.

Чэнь Шаньвань даже удивился, он не думал, что Юй Суй будет так сговорчив.

Но... это также доказывало, что Юй Суй искренне верил всем его обещаниям.

Что сказать.

Чэнь Шаньваню пришлось признать, что это ему льстило.

«Он» смотрел, как Чэнь Шаньвань выходит наружу, не уклоняясь от шипов, наглухо перекрывших путь.

Юй Суй убрал жала с шипов, так что те, что терлись о щиколотки Чэнь Шаньваня, лишь слегка щекотали его. Правда, лёгкая колющая боль всё же ощущалась — на коже уже проступали следы укусов и яркие пятна.

Чэнь Шаньвань с высоты своего роста холодно окинул взглядом распростёртого на земле мужчину, заодно запечатав ему рот ветром:

— Я спрашиваю, ты отвечаешь. Иначе отправлю в полицию, обвинив в распространении феодальных суеверий, незаконном вторжении и умышленном причинении вреда.

Он не стал вникать, о чём думал мужчина:

— Как снять оковы с «него»?

Как только Чэнь Шаньвань задал вопрос, мужчина вновь обрёл дар речи:

— Юнец, ты с ума сошёл?! Ты хочешь выпустить «его»? Ты знаешь, что «он» за...

Не дав ему договорить, Чэнь Шаньвань щёлкнул пальцами.

Пальцы Чэнь Шаньваня были длинными и изящными, но сейчас на нескольких из них красовались подозрительные следы:

— Последний шанс. Я спрашиваю, ты отвечаешь.

Ему было лень вести светские беседы с такими, как этот мужчина, потому тон его был холоден, сквозь него пробивалась ярость, породившая свирепость, которую он сам не осознавал.

Подавляющее давление, исходившее из самой души, в конце концов заставило мужчину умолкнуть, и покорно всё изложить.

Но когда Чэнь Шаньвань повернулся, намереваясь уйти, он не удержался и снова попытался ему вправить мозги, однако не успел он издать и звука, как Чэнь Шаньвань вновь запечатал ему рот.

Чэнь Шаньвань замер перед Юй Суем, слегка приподняв руку:

— Возможно, будет очень больно.

Юй Суй опустил на него взгляд, не переставая улыбаться:

— Прямо сейчас? А-Вань, ты так нетерпелив.

Чэнь Шаньвань отвёл взгляд:

— Если не хочешь, можно отложить на пару дней.

Юй Суй вздохнул с притворной обидой:

— А-Вань, я просто хочу знать, о чём ты думаешь. Ты же знаешь, как будет больно, разве не мог бы ты меня немного приободрить?

Чэнь Шаньвань:

— ...А разве ты и так не угадываешь, о чём я думаю?

Юй Суя не удивился, что тот заметил:

— Угадывать и слышать — разные вещи.

«Он» взял руку Чэнь Шаньваня, с привычной лёгкостью капризничая:

— А-Вань.

Чэнь Шаньвань: «...»

Он отвернулся, мочки его ушей начали гореть:

— Я... не хочу, чтобы ты оставался в оковах.

Особенно в этих «оковах», надетых на Юй Суя другими.

Отчего ему становилось не ... нет, становилось очень неприятно.

Уголки губ Юй Суя растянулись в улыбке, он счастливо обнял его и прошептал на ухо:

— Тогда начинай.

«Он» тихо добавил:

— Обнимая тебя, я не чувствую боли.

Чэнь Шаньвань пошевелил рукой, но, ещё не начав писать, снова услышал слова Юй Суя, на этот раз с ноткой обиды:

— Неужели ты действительно не можешь остаться со мной?

Мир снаружи слишком велик, а «он» не хотел ни с кем делить Чэнь Шаньваня.

Пальцы Чэнь Шаньваня слегка сжались, и он очень серьёзно сказал Юй Сую:

— Я человек.

Пусть даже он и считал, что друзья не так уж важны, пусть даже он не находил чувства принадлежности, он был человеком.

Который любит солнце; иногда взбирается на горы, смотрит на море; в редкие свободные дни любит прогуляться по улицам.

Юй Суй закрыл глаза:

— Тогда действуй.

«Он» тихо произнёс:

— Если ты не можешь быть со мной, тогда я буду с тобой.

...

— Маленький даос, тебя не было целую неделю. Ты страж печати, разве ты не должен прилежно охранять меня?

Из высохшего колодца донёлся ленивый голос. Сидевший на краю юноша, стоящий на грани отрочества и юности, вздохнул с досадой:

— Я человек, у меня своя жизнь и дела, я не эта печать.

— Не можешь быть со мной? — Голос из высохшего колодца многозначительно рассмеялся... — Тогда я лучше сам выйду к тебе.

Парень снаружи молча взглянул на печать, убедился в её прочности и, всё ещё не вполне уверенный, укрепил её ещё одним слоем, не удостоив собеседника ответом.

...

Бело-золотое пламя поглотило окружающие особняк заросли чёрных роз.

Чэнь Шаньвань знал, что Юй Сую очень больно. Потому что «он» сжимал его так крепко, будто совсем обессилел, и буквально повис на нём, всё тело покрылось холодным потом, а кожа на открытых участках то трескалась, то затягивалась, и снова трескалась.

Брови Чэнь Шаньваня невольно сомкнулись.

Он прижал голову Юй Суй, приложив его губы к своей шее:

— Юй Суй.

Чэнь Шаньвань предложил:

— Выпей немного моей крови.

Он надеялся, что это поможет Юй Сую ослабить боль и придаст сил.

Юй Суй шевельнул губами, впившись в его плоть.

Но, возможно, от бессилия, так и не прокусил до крови.

Чэнь Шаньвань подумал, что это не выход, и потому прикусил собственную губу, поднял «его» голову и поцеловал.

Крови было недостаточно, но Юй Сую хватило, чтобы восстановить немного сил.

«Он» без тени смущения, выпив эту кровь, перешёл к шее Чэнь Шаньваня, прокусил её, и кровь обильно хлынула наружу, в то время как бело-золотое пламя разгоралось всё яростнее.

Ресницы Чэнь Шаньваня задрожали.

Он закрыл глаза, произнеся что-то на древнем языке.

Юй Суй не изучал его, но почему-то всё равно понял его смысл.

Казалось, эти древние слова были высечены в самой «его» душе, и почти мгновенно Юй Суй забыл о действиях, облизнул кровь и хрипло ответил:

— Я согласен.

«Он» не просто соглашался, с самой первой встречи с Чэнь Шаньванем «он» изо всех сил жаждал такой возможности.

Ведь это заключение союза с Чэнь Шаньванем.

Союза жизни и смерти.

Отныне, пока жив Чэнь Шаньвань, жив и «он», а умрёт Чэнь Шаньвань — и «он» обратится вместе с ним в горсть жёлтой земли.

Юй Суй понимал, что это оковы, наложенные на «него» Чэнь Шаньванем, чтобы гарантировать, что «он» не станет сеять в мире зло.

Но что с того? «Он» и вправду жаждал этого дня.

Бело-золотое пламя дотла сожгло все чёрные розы и шипы, воздух заколебался, и в мгновение ока они вышли из защитного поля.

Больше не было клумб чёрных роз, лишь давно высохший пруд с лотосами, и слегка запущенный сад.

Мужчина извивался на земле, Чэнь Шаньвань уточнил у Юй Суя, на чьё имя записан этот особняк — хоть Юй Суй теперь и не человек, «его» удостоверение личности не было аннулировано. Дом также был записан на «него».

Поэтому Чэнь Шаньвань без колебаний набрал 110*.

* 110 — единый номер экстренной помощи полиции в Китае.

За незаконное проникновение в жилище и умышленное причинение вреда грозило как минимум два года тюрьмы.

— Он лишь сказал, что, если тот не ответит — он вызовет полицию, но не говорил, что, если ответит, не вызовет.

Чэнь Шаньвань потрогал свою затянувшуюся рану. Слюна Юй Суя обладала целебными свойствами, но у этого типа была чрезмерная жажда обладания, и ему претило заживлять раны полностью.

Пока что Чэнь Шаньваня это не особо заботило, он спустился со ступенек и протянул руку Юй Сую:

— Попробуешь выйти?

Юй Суй без малейших колебаний с улыбкой взял его руку, затем шагнул под солнечный свет этого мира и крепко обнял Чэнь Шаньваня.

«Он» только что пытался, потому температура «его» тела всё ещё была высока, и летний зной почти мгновенно охватил Чэнь Шаньваня.

Чэнь Шаньвань глубоко вздохнул:

— Даю тебе секунду...

Юй Суй жалобно отпустил его и, пока никто не пришёл, создал из шипов зонт, укрыв Чэнь Шаньваня от всё ещё не зашедшего в шесть вечера солнца:

— А-Вань, разве ты не хочешь выразить свои восторг?

Чэнь Шаньвань взглянул на это прекрасное лицо и подозвал «его» пальцем.

Юй Суй с улыбкой приблизил своё лицо и получил от Чэнь Шаньваня лёгкий поцелуй в знак восторга.

<http://bllate.org/book/12897/1319840>